

Т. Л. Мишур

*Мукачевський державний університет***ТАИНСТВЕННЫЙ МИР БАРОККО И ПОЭЗИЯ М. И. ЦВЕТАЕВОЙ**

Розглянуто дискурс бароко в поезії М. І. Цветаєвої. Завдання полягає в тому, щоб виявити типологічні відповідності цветаєвської творчості елементам стилю бароко. Як і в мистецтві бароко М. І. Цветаєвою створюється ілюзія безперервного руху, врівноваженість змінюється асиметрією, сильна трагічна нота, близька риданню або плачу, схильність до архаїки та фольклору, стилістична контрастність, постійний мотив совісті. Художник Цветаєва бачить світ дуже складним, наповненим таємницею і не боїться показати, якою слабкою є людина, якою суперечливою і складною є її натура. В поезії Цветаєвої виникає образ перевернутого світу, в якому революцією і громадянською війною зруйновано звичні ієрархії і зв'язки («Кровных коней запрягайте в дровни!», «Коли в землю солдати всадили штык...»). Типологічна паралель з художньою системою бароко простежується в поетичному трактуванні теми сну («Страстный стон, смертный стон...», «Ходит сон со своим серпом...»). М. Цветаєва гостро відчувала, що людина втрачає себе, відчуває себе лише маленькою частинкою величезного цілого, протистояти законам якого вона не в силах, але і прийняти яке не може. Вся творчість М. І. Цветаєвої – приклад такого трагічного світовідчуття – відчуття слабкості, мінливості життя.

Ключові слова: М. І. Цветаєва, бароко, поезія, творчість, трагічне світовідчуття, людські можливості, інтелект, світоустрій.

Рассмотрен дискурс барокко в поэзии М. И. Цветаевой. Задача состоит в том, чтобы выявить типологические соответствия цветаевского творчества элементам стиля барокко. Как и в искусстве барокко, М. И. Цветаевой создается иллюзия непрерывного движения, уравновешенность сменяется ассиметрией, сильная трагическая нота близка к рыданию или плачу, склонность к архаике и фольклору, стилистическая контрастность, постоянный мотив совести. Художник Цветаева видит мир очень сложным, наполненным тайной и не боится показать, как слаб человек, как противоречива и сложна его натура. В поэзии Цветаевой возникает образ перевернутого мира, в котором революцией и гражданской войной разрушены привычные иерархии и связи («Кровных коней запрягайте в дровни!», «Коли в землю солдаты всадили штык...»). Типологическая параллель с художественной системой барокко прослеживается в поэтической трактовке темы сна («Страстный стон, смертный стон...», «Ходит сон со своим серпом...»).

М. Цветаева остро ощущала, что человек теряет себя, ощущает себя лишь маленькой частичкой огромного целого, противостоят законам которого он не в силах, но и принять которое не может. Все творчество М. И. Цветаевой – пример такого трагического мироощущения – ощущения непрочности, непостоянства, изменчивости жизни.

Ключевые слова: М. И. Цветаева, барокко, поэзия, творчество, трагическое мироощущение, человеческие возможности, интеллект, мироустройство.

The baroque discourse in M. I. Tsvetaeva's poetry has been considered. The task is to identify typological conformity of Tsvetaeva's creative work to the Baroque style elements. As in the art of baroque, M. I. Tsvetaeva creates the illusion of continuous movement, poise is replaced by asymmetry, strong tragic note, close to sobbing or crying, a tendency to archaic and Folklore, stylistic contrast, a constant motive of conscience. Tsvetaeva as an artist sees the world very difficult, full of mystery and she is not afraid to show how weak a man is, how contradictory and complex is his nature. In Tsvetaeva's poetry there is the image of an inverted world in which the usual hierarchy and communication («blood of horses harnessed to the wood-sledge...») are destroyed by revolution and civil war («If the ground troops have thrust the bayonet ...»). Typological parallel with the baroque art

system can be seen in a poetic interpretation of the dream theme («Passionate moan, moan to death ...», «Dream walks with his sickle ...»). M. Tsvetaeva acutely realized that a person loses himself, feels only a small part of a huge whole, to resist the laws of which he is not able, but he can't accept it. All Tsvetaeva's creative work is the example of such a tragic world vision – the feeling of fragility, impermanence, life variability.

Keywords: M. I. Tsvetaeva, baroque, poetry, creativity, the tragic vision, human capabilities, intelligence, world order.

Барокко в искусствознании рассматривается прежде всего как стиль. Для него характерен своеобразный взгляд на человека и мир как на огромный театр, где каждый играет свою роль. Барокко свойственны контрастность, напряженность, динамичность образов, аффектация, стремление к величию и пышности, совмещению реальности и иллюзии, слиянию искусств. Человек – песчинка в бесконечной вселенной, и его жизнь наполнена трагическими случайностями. Трагический гуманизм – лейтмотив литературы барокко. Противоречия материального и духовного, покоя и экстаза. Возможность выразить сложность и растерянность чувств, углубление в душевные переживания, молитвенные просьбы, заклинания, всепрощение и эстатические эмоциональные взрывы.

На стыке колоссальных по масштабу культурных периодов всегда возникали литературные эпохи переходного типа. Главной особенностью духовной жизни в такие эпохи является острое ощущение катастрофичности существования, тотальный кризис веры в господствующие прежде ценностные ориентиры, ниспровержение художественных норм и традиций. В конце XVI – начале XVII в. на смену уравновешенной и спокойной картине мира эпохи Возрождения приходит картина бурного, эмоционально-патетического, таинственного мира барокко, который предстает в противоречивой динамике и открытости любым переменам. «Искусство Возрождения апеллировало к разуму и стремилось убедить; барокко взывало к инстинктам, чувствам, воображению и желало захватить, увлечь» [4, с. 217]. Характеризуя барокко в русской литературе XVII века, Д. Лихачев отмечает «рост декоративности, появление оторванных от содержания форм (форм абстрактных), появление разновидностей стиля, рассчитанных на узкий круг, на «немногих»... рост «самостоятельности стиля» [6, с. 442]. Совершенно очевидно, что такие тенденции в поэтике и были способом замещения дискредитированной реальности художественной формой, («текстом»), которой придавалась эстетическая самооценность.

Неслучаен и интерес к эпохе барокко в эстетике и искусствознании рубежа XIX – XX веков. Этот период был одним из самых драматических в русской истории: русско-японская война, революция 1905 года, Первая мировая война, Февральская революция и, наконец, Октябрь 1917 года. Все это выпало на долю Серебряного века. Именно поэтому для его представителей характерно ощущение тревоги, предчувствие грядущих потрясений, чего-то страшного и темного. Необычайно ярко это состояние выразил А. Блок в поэме «Возмездие»:

Двадцатый век... еще бездомней,
Еще страшнее жизни мгла
(Еще чернее и огромней
Тень Люциферова легла) [1].

Большинство писателей Серебряного века испытывали глубокую необходимость заниматься нравственными исканиями во имя духовного преображения человека перед лицом грядущих катастроф.

В работах современных исследователей также отмечаются черты близости целых художественных явлений в литературе Серебряного века к барокко (И. П. Смирнов «Барокко и опыт поэтической культуры начала XX в.» (1979),

И. Гашева «Стилевые очертания поэзии Серебряного века и поэзия барокко» (2004) и т.д.). Барочность представляет собой некую творческую фронду, внутреннюю критику художественного развития, «подсветку» его сомнением и иронией.

Но в периоды ментального и художественного кризиса, когда сомнение в каноне и традиционных ценностях становится доминантой духовной и художественной жизни, это явление выходит из тени, претендуя на господствующую роль.

Дискурс барокко в цветаевском искусстве представляет, на наш взгляд, актуальную проблему в цветаевоведении. Рассматривая вопрос «барокко и поэзия М. И. Цветаевой», мы преимущественно обратимся к выявлению типологических соответствий цветаевской поэзии элементам стиля барокко.

Несмотря на то, что в цветаевском творчестве явственно прозвучали мотивы барокко: «Мало обращали внимания на барочность Цветаевой, на ее причудливые сравнения, кончетто, на ее близость поэтике Донна и Гонгоры, на ту неисчерпаемую вулканическую энергию, которая питала строителей средневековых соборов и поэтов Тридцатилетней войны», – замечает И. Гарин [3, с. 717]. Действительно, барочность Цветаевой осталась без пристального внимания исследователей. Скажем, И. Заярная, исследуя механизмы осуществления диалога художественных парадигм поэзии авангарда, рассматривает творчество В. Хлебникова, А. Крученых, В. Каминского, В. Маяковского, Б. Пастернака; творчество же М. Цветаевой в этой связи она не привлекает [5, с. 3]. Только недавно появились работы, посвященные этой теме. Так, Т. Н. Воронина, исследуя художественный текст как культурную коммуникативную систему, отмечает, что барочный текст М. И. Цветаевой связан с формированием фактуры, которая складывается на основе воспроизведения в тексте различных особенностей стиля барокко: «Тексты М. И. Цветаевой строятся с перцептивной установкой на то, что они будут восприняты читателем, как пропущенные через модусы зрения, слуха, осязания, обоняния, температурных ощущений» [2, с. 248]. И действительно, в стихотворениях М. И. Цветаевой часто можно встретить воссоздание буквально вулканического взрыва средствами синтаксиса и ритмики – ее строки и строфа становятся той самой извергаемой лавой, о которой в них говорится. Это напоминает излюбленный прием великих композиторов барокко, состоящий в передаче смысла через звук (например, в «Страстях по Матфею» Баха, где звучание хора постепенно спадает, когда хор обращается к Иисусу со словами «Сойди с креста...»). Подобная поэтическая музыка в духе барокко очень характерна для стихотворной техники Цветаевой.

Контрастность в ощущениях и чувствах изначально присущи М. Цветаевой – поэту:

От высокаторжественных немот
До полного попрапия души:
Всю лестницу божественную – от:
Дыхание мое – до: не дыши!» [7, т. 1, с. 223]

Кризис в XX веке значительно острее и отчаяннее, чем в XVII, когда барокко родилось и впервые структурно оформилось в виде литературного направления. Барокко со всем своим скепсисом все-таки оставался под Богом, барочный менталитет был защищен от полного распада неутраченной верой в наличие высших трансцендентальных сил и их волю. XX век оголил человека, оставил его наедине с Хаосом, заставив осознать ужас своего одиночества, трагизм своей судьбы и искать в самом себе ресурсы сопротивления энтропии. Метания из крайности в крайность со всеми происходящими при этом разрывами и разрушениями есть принцип внутреннего развития в переходные эпохи.

Мотив Божественного озарения характерен для концепции творчества барокко. Художник барокко видит мир очень сложным, наполненным тайной, он не боится показать, как слаб человек, как противоречива и сложна его натура. Он стремится показать не состояние героев, а действие, из которого выхвачен отдельный момент, краткое мгновение. Так и у М. Цветаевой:

Безумье – и благоразумье,
Позор – и честь,

Все, что наводит на раздумье,
 Все слишком есть
 Во мне. – Все каторжные страсти
 Слились в одну!
 Так в волосах моих – все масти
 Ведут войну! [7, т. 1, с. 223]

У Цветаевой, как и в искусстве барокко, сильна трагическая нота, близкая к рыданию или плачу, склонность к архаике и фольклору, стилистическая контрастность, постоянный мотив совести. Как и в искусстве барокко в цветаевской поэзии создается иллюзия непрерывного движения, уравновешенность сменяется асимметрией.

Многое в характеристике этого стиля можно отнести к творчеству М. Цветаевой и к ее личности. «У Цветаевой всего – «сверх». Сверхэмоциональность – с постоянным жаром в груди – «за всех», со всепереживанием, с колебаниями от плюс до минус бесконечностей, неженская сверхмудренность, сверхпоэтичность, не отступающая ни на минуту. Сверхтемпераментность – с полным диапазоном от холерика до меланхолика, с самыми крайними подъемами и упадками настроений: от предельного жизнеутверждения – до смертельной тоски и грусти...» [3, с. 653].

Переходы настроений очень быстры: от «в следующий раз глухонемая приду...» [7, т. 1, с. 518] до «я и в последней икоте останусь поэтом», от «Милая ты жизнь!» [7, т. 2, с. 118] до «Смерти: инея на уста-красны...» [7, т. 2, с. 255].

В поэзии Цветаевой возникает образ перевернутого мира, в котором революцией и гражданской войной разрушены привычные иерархии и связи. В стихотворении «Кровных коней запрягайте в дровни!» (1918) возникает такого рода картина:

Стойла – в соборы! Соборы – в стойла!
 В чертову дюжину – календарь!
 Нас под рогожу за слово: царь [7, т. 1, с. 390].

Абсурдистская картина перевернутого мира рисуется и в стихотворении «Коли в землю солдаты всадили штык...» (1918):

Надо бражникам старым засесть за холст,
 Рыбам – петь, бабам – умствовать, птицам – ползать,
 Конь на всаднике должен скакать верхом,
 Новорожденных надо поить вином...
 Реки – жечь, мертвецов выносить – в окно,
 Солнце красное в полночь всходить должно,
 Имя суженой должен забыть жених...

Государыням нужно любить – простых!» [7, т. 1, с. 397].

Эту разорванность, перевернутость, сдвинутость мира лирическая героиня Цветаевой ощущает и в самой себе:

Мой день беспутен и нелеп:
 У нищего прошу на хлеб,
 Богатому даю на бедность,
 В иголку продеваю – луч,
 Грабителю вручаю – ключ,
 Белилами румяню бледность» [7, т. 1, с. 413].

Жизнь человека предстает чередой внутренних конфликтов, непримиримых оппозиций. Они находятся в постоянном борении друг с другом, ежесекундно меняются, оборачиваются иллюзией:

Сердцу ад и алтарь,
 Сердцу – рай и позор.

Кто отец? – Может – царь.

Может – царь, может – вор» [7, т. 1, с. 419].

Еще одна типологическая параллель с художественной системой барокко прослеживается в поэтической трактовке темы сна у Цветаевой. Вот как в стихотворении «Страстный стон, смертный стон...» (1918) передано состояние сна:

Страстный стон, смертный стон,

А над стопами – сон.

Всем престолам – престол,

Всем законам – закон» [7, т. 1, с. 394].

Окружающая лирического героя реальность оказывается сном, и драматичнее всего то, что он не может уловить границу между состоянием сна и бодрствованием. В стихотворении «Ходит сон со своим серпом...» (1918) проводится параллель между сном и смертью:

Ходит сон со своим серпом,

Ходит смерть со своей косой...

Царь с царицей, брат с сестрой [7, т. 1, с. 395].

Сон порой представляется как нечто враждебное, вторгающееся в реальность и корректирующее ее по-своему:

Врылась, забылась – вот как с тысяче-
футовой лестницы без перил.

С хищностью следователя и сыщика

Все мои тайны – сон перерыл [7, т. 2, с. 244].

Описание сна превращается в своего рода развернутую метафору иллюзорности жизни. Поэтому, видимо, Цветаева и не принимала XX век, не считала его своим:

Если веку не до предков –

Не до правнуков мне: стад.

Век мой – яд мой, век мой – вред мой,

Век мой – враг мой, век мой – ад [7, т. 2, с. 319].

Рациональное начало – одна из основ барокко. В литературе барокко сильна философская направленность, вызванная разочарованием в человеке.

М. Цветаева остро ощущала, что человек теряет себя, ощущает себя лишь маленькой частичкой огромного целого, противостоять законам которого она не в силах. Ренессансное чувство единства, причастности человека к событиям, которые происходят, исчезает. Появляется осознание конкретной границы человеческих возможностей и сомнения в способности интеллекта понять существующее мироустройство и сделать жизнь разумной. Одно из последних произведений М. Цветаевой – цикл «Стихи к Чехии» – пример такого мироощущения поэтессы. В цикле – целый комплекс переживаний: и эмоции, связанные с известием о нападении Германии на Судеты, и вера в торжество справедливости, и отчаяние от случившегося и осознания непоправимости, и апелляция к здравому смыслу и нравственному чувству напавшей страны, и ощущение полной безысходности в мире «вывихнувшем суставы». Перед лирической героиней цикла уже не стоит гамлетовский вопрос «Быть или не быть?» Миру-хаосу ее «Ответ один – отказ» [3, т. 2, с. 360]. В стихотворении «О, слезы на глазах!» (1939) нарушенный порядок жизни – бытия подчеркивается синтаксической инверсией, придающей ритму стихотворения трагический надрыв. В стихотворении явственно звучит реминисценция из «Братьев Карамазовых» Ф. Достоевского: Иван Карамазов, отказывающийся принять проект мировой гармонии, построенной на огромном страдании, говорит, что «свой билет на вход спешу возвратить обратно», у Цветаевой мысль о мире, где «слезы на глазах», где «Чехия в слезах», «Испания в крови», также рождает желание «творцу вернуть билет» [7, т. 2, с. 360].

Именно искусство барокко показало, что шатание между землей и небом очень болезненны, а для человека начала XX столетия органичным стало убеждение в собственном несовершенстве и греховности. Поэзия М. И. Цветаевой – пример такого трагического мироощущения – ощущения непрочности, непостоянства, изменчивости жизни.

Библиографические ссылки

1. *Блок А. А.* Возмездие / А. Блок // Блок А. Полные произведения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.litra.ru/fullwork/get/woid/00440611190200624868/>
2. *Воронина Т. Н.* М. И. Цветаева и барокко / Т. Н. Воронина // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. – 2015. – № 4 (16). – С. 246–249.
3. *Гарин И.* Серебряный век / И. Гарин. – М. : Terra, 1999. – Т. 3. – 717 с.
4. *Искусство* / [пер. А. Голосовской, Н. Аронова]. – М. : Премьера, Астраль, АСТ, 2001. – 304 с.
5. *Заярна І. С.* Російська поезія ХХ століття в контексті діалогу художніх парадигм: типологічна проєкція бароко в авангарді та постмодернізмі : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня доктора філол. наук : спец. 10.01.02 – російська література / І. С. Заярна. – К., 2005. – [Електронний ресурс]. – Режим доступу: https://www.br.com.ua/referats/dysertacii_ta_autoreferaty/95235-26.html
6. *Лихачев Д.* Историческая поэтика русской литературы / Д. Лихачев. – СПб. : Алетейя, 1999. – 508 с.
7. *Цветаева М.* Собрание сочинений в семи томах / М. Цветаева. – М. : Эллис Лак, 1997. – 598 с.

Надійшла до редколегії 03.02.2017 р.